

**Париж в подарок,
или
Чрезвычайная тройка по исследованию Парижа,**

Необходимое объяснение

Те, кто читает наши путевые записки, наверное, заметили, что в последнее время они строились по такому принципу: Танька пишет подробный скрупулезный текст, а я его разбавляю безответственными замечаниями, возражениями и прочим безобразием. На этот раз Танькины лавры писательницы Большого Стиля настолько меня раззадорили, что в эту поездку в Париж я, хотя и страшно уставал к концу дня, стал для борьбы с собственным склерозом записывать впечатления прямо по ходу поездки. Оказалось, что это попытка с негодными средствами: я по-быстрому отписался за первый день путешествия и стал приставать к Таньке, когда же она даст свой текст на растерзание и склепывание с моим, но всякий раз слышал в ответ: - Я пишу, но мы еще не вошли в Сен-Шапель...

А это, для ясности, самое утро первого дня. В конце концов, Танька таки притащила результаты своего творчества (заканчивающиеся пока этим самым утром первого дня), и я был уничтожен – 34 странички там, где я наскреб две... Осталось только врезать свои хилые кусочки в монументальное творчество и надеяться, что они его не испортят. Итак...

К 40-летию юбилею нашей свадьбы мы с Юркой, вспомнив о прекрасной поездке в Вену, которую получили в подарок от наших детей и гостей к 35 годовщине, решили подарить друг другу Париж. Поскольку на отпуск у нас уже было много чего запланировано, эта поездка не должна была быть слишком дорогой - мы решили уложить в 4 межпраздничных майских дня. Нашли весьма комфортабельные и стильные апартаменты в

Сен-Дени, в которых можно было устроиться аж четвером за совершенно смешные деньги, и взяли в компанию сына вместе с его видеокамерой.

Поскольку Юрка уже бывал дважды в Париже и видел то, что хотел увидеть в первую очередь, я решила, что имею моральное право составить маршрут так, чтобы удовлетворить свой интерес. *Этот визит в Париж для меня – третий, хотя первых два были всего по одному дню. Впервые я попал в этот легендарный город в 95-м, возвращаясь с конгресса европейских биологов развития, и с утра до позднего вечера носился с коллегой, пытаюсь объять необъятное. Как ни странно, но кое-что успел, хотя все протекало в обстановке чрезвычайной – Париж праздновал день Бастилии, все маршировало, грохотало, метало петарды и прочую ерунду. Второй раз – посреди конференции в Жиф-сюр-Иветт зимой 2000-го оторвался в Париж и на жутком ветру взобрался на Эйфелеву башню да заглянул в Консьержери. Вот, собственно, и все... но зато – у жены куча моральных прав...*

А интерес мой заключался в знакомстве с настоящей готикой – в отличие от той своеобразной, которую мы видели в Италии. Мои личные впечатления от готики ограничивались воспоминаниями о посещении Таллина в детские годы и увиденным в далекой молодости пражским Собором св. Вита, Юрка видел гораздо больше и не переставал ею восхищаться.

Готика в Париже далеко не ограничивается одним из величайших готических соборов мира – Парижской богородицы; здесь она родилась, выросла, возмужала и умерла, так что это у нас была прекрасная возможность увидеть все этапы ее развития. Однако знакомясь с материалом, мы узнали, что Шартр – крошечный средневековый городок, который так и просился сравниться с городами Италии, и содержащий в себе другой величайший готический собор, находится всего в часе езды от Парижа, и, конечно, не смогли устоять от посещения. Еще один день из четырех надо было, по решению нашего коллектива, посвятить Версалю, хотя он и не

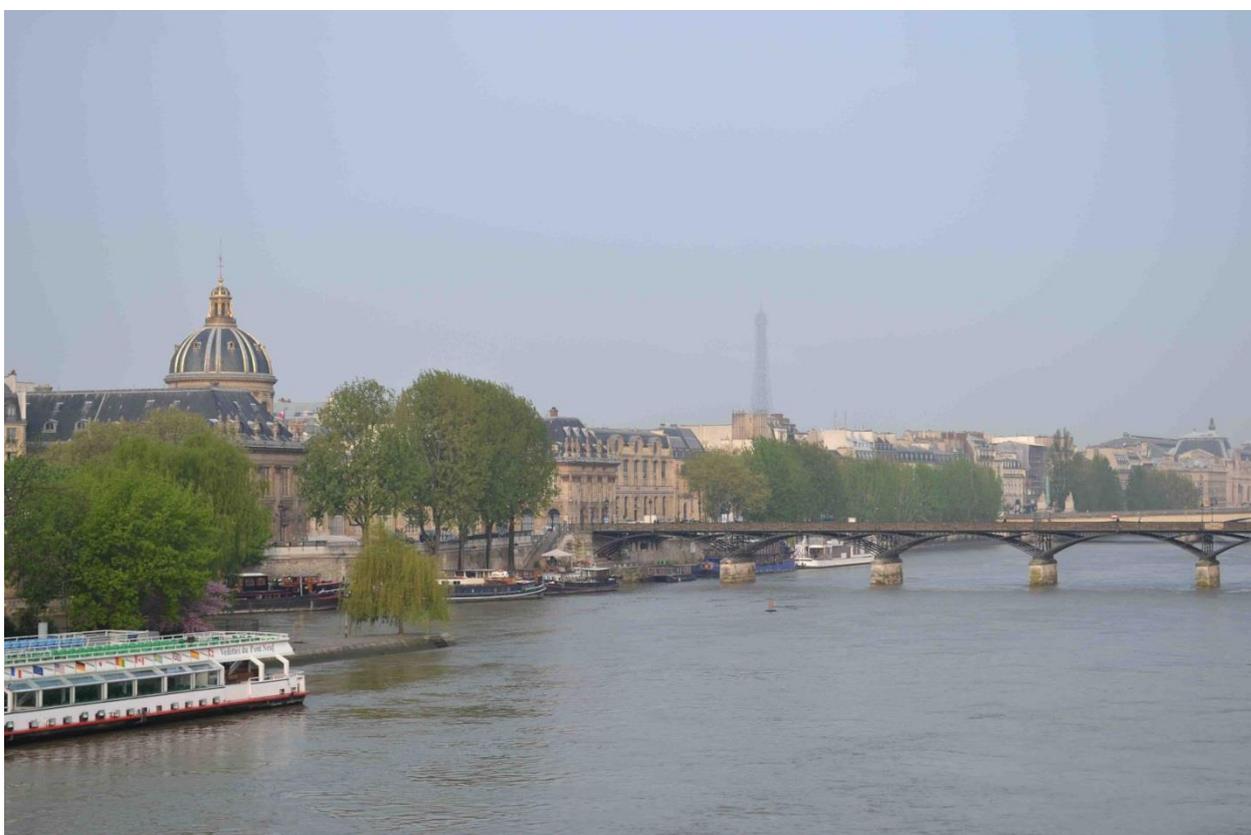
относится к главной теме – как не посмотреть на прототип петербургских окрестных и всех европейских дворцов с парками? Таким образом, на собственно Париж у нас осталось два дня. Всего два.

Мы благополучно добрались до аэропорта Орли, и тут настало первое испытание, которым еще в Москве жена проела мне плешь, в дополнение к появившейся естественным путем: как разобраться в лабиринте парижских электричек RER и многочисленных линий метро. Она всемерно призывала серьезно изучать театр предстоящих действий, маршруты и коммуникации, а я по обыкновению манкировал, легкомысленно полагая, что, если я в Москве и Лондоне не потерялся, то и из Парижа как-нибудь да выпутаюсь. Все, как я и предполагал, оказалось не так сложно.

На аэропортовском поезде-шаттле (по-моему, впервые мы проехали в поезде без машиниста, во всяком случае, ни его самого, ни кабины, мы, едучи в головном вагоне, не обнаружили, однако, все обошлось без «бунта машин») мы добрались до станции RER Антони в целостности и сохранности. Дальше тоже все протекало без особых трагедий: сделали две пересадки и оказались на другом конце города, собственно, в парижском предместье Сен-Дени, правда, уже в полной темноте. Сориентироваться на местности никак не удавалось, мы боялись опоздать к полуночи и лишиться крова (совершенно зря) и обратились к местному населению. Двое молоденьких парнишек-африканцев проявили большое участие, один из них не поленился вылезти из машины и довести нас до угла, откуда уже все стало ясно. Потом мы встретились с ним в местном магазине, где он работает, и поулыбались друг другу.

Разумеется, первый день начался на острове Сите, откуда «есть пошел» город Париж, называемый при римлянах, управлявших городом 200 лет до и 400 лет н.э., Лютецией. (Это, кстати, было самое мирное и благополучное время в жизни города. Зато потом – сплошные завоевания, резни, голод, чума, кровавые и разрушительные революции... и одновременно – взлет и развитие философской мысли, образования и искусств!).

Мы уже знали, что в Париже (как, впрочем, и в Италии, в Милане в частности) парижане завтракают в кафе кофе с круассанами, и у меня был запланирован завтрак на площади Дофина. В то же время нельзя было опоздать к открытию Сен-Шапель, чтобы не провести весь день в очереди. Поскольку намеченный маршрут был весьма солидным, мы мужественно проигнорировали гостиничный завтрак, прыгнули в метро в двух шагах от гостиницы и в 8:30, сделав две пересадки, выскочили у Нового моста, который ведет к западному мысу острова Сите. Здесь и начался наш Париж, знакомый и неизведанный:

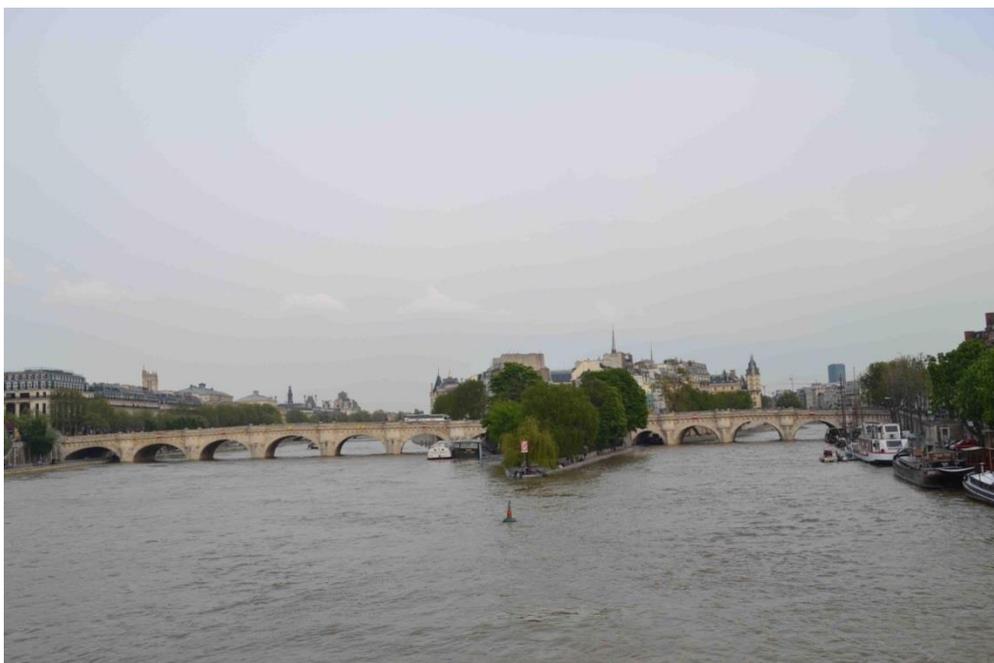
Прошли по мосту, который на самом деле является старейшим в Париже – его построили при Генрихе IV, мурлыча про себя песенку «Жил-был Анри четвертый, он славный был король»,

и встретились с его статуей перед его же творением - сквером Вер-Галан:

Остров Сите похож на корабль, а сквер - его нос:

А до 1607 г. здесь было три о-ва: Гурден, о. Перевозчиков коров и о. Евреев, на котором Инквизиция этих самых евреев сжигала заодно с еретиками, в т.ч. с Великим магистром Ордена Тамплиеров Жаком де Моле, которого ликвидировал в своих шкурных интересах Филипп Красивый. Остров для этого был очень удобен: видно с обоих берегов, но никто не помешает, и пожара от казни на костре можно не опасаться. Именно Генрих IV (1553 – 1610) эту практику прекратил, проливы между островами велел засыпать, присоединив их таким образом к о. Сите, и разбил сквер – романтическое место встречи дам и кавалеров, каким оно остается и поныне.

Так что свою славу он вполне заслужил бы, даже если бы ничего больше не сделал. А он сделал еще много чего – спроектировал прекрасную площадь, которую назвал в честь долгожданного позднорожденного первого сына (Людовика XIII) площадью Дофина (Наследника Престола, Цесаревича, так сказать), Королевскую площадь (о ней речь впереди), Новый мост, галерею между Лувром и дворцом Тюильри. Множество улиц он спрямил и проложил заново, но главное, на мой взгляд, - серьезно озаботился проблемой уборки мусора и канализацией, для чего изучал опыт итальянских городов, и весьма преуспел в этом отношении. Во всяком случае, именно при нем Париж превратился из грязного, убогого и вонючего захолустья, задворок Европы, в образец крупнейшей европейской столицы. В этой связи – как понимать приписываемое ему выражение «Париж стоит мессы», произнесенное, по одним источникам, при первом бракосочетании (с Маргаритой Валуа) на паперти Нотр-Дам-де-Пари, поскольку ему как протестанту вход внутрь был закрыт, по другим, что более вероятно, – при последнем (девятом по счету) обращении в католицизм в аббатстве Сен-Дени в 1593 г., за год до вступления в Париж в качестве законного короля Франции? Тот Париж, в который он тогда вступил, вряд ли стоил мессы. А тот, который он создал, - да, наверное, стоил. Так что, скорее всего это была декларация о намерениях, которые, в отличие от многих наших отечественных примеров, были воплощены в жизнь.

Бурная биография Анри Четвертого не является темой нашего повествования, но одно обстоятельство все же не могу не упомянуть. Кем только ни был этот король – блестящим полководцем, галантным кавалером, верным любовником, ловким дипломатом, проектировщиком, градостроителем и управителем города... вот только фанатиком он не был. Его бесчисленные переходы из гугенотов в католики и обратно имели только одну цель: примирить обе стороны. Окончательный переход в папскую веру имел, безусловно, чисто политическое значение: очень скоро он подписал Нантский эдикт, дающий свободу вероисповедания протестантам, чем

прекратил бесконечные гугенотские войны. За что и был убит 12 лет спустя католическим фанатиком Равальяком.

И вот мы входим на площадь между двумя домами, единственными, которые сохранились со времени постройки в начале 17 в. Все остальные – были снесены и построены заново по воле мэра Парижа барона Османна при императоре Наполеоне III.

Мы, повидавшие Италию, как-то сразу чувствуем – это именно французские дома. Прочные, надежные, уютные, но и грациозные по-своему. Карл Верман пишет, что «впечатление галло-франкское, если не нидерландское, производит также стиль кирпичных домов, облицованных грубо тесаным камнем, на Королевской площади и на площади Дофина в Париже, привившийся затем главным образом в сельских замках». Традиционными для Франции высокие крыши с изломом, состоящие из более крутой нижней и более плоской верхней части, создающие возможность устройства под стропилами обитаемых помещений, также являются галло-франкским наследием. Эти «срезанные» крыши впервые применил и широко использовал архитектор Франсуа Мансар, по имени которого они и получили название мансардных. Другая чисто французская черта - высокие, во всю высоту стены до пола «французские» окна. Все

вместе, включая контрастные цветные вставки, выглядит удивительно строго и одновременно нарядно и самобытно.

Сама площадь – маленькая, треугольной формы, повторяет силуэт острова в этом месте. Посредине посыпана чистым песочком и заполнена посаженными ровными рядами деревьями. Похожа скорее на двор окружающих домов, чем на площадь в нашем понимании.

А в понимании Генриха IV именно так она должна была выглядеть, поскольку вторая созданная им площадь – Королевская – имеет такое же устройство. Площадь Дофина была прежде замкнута, как и последняя, а в результате османновской реконструкции, заполнившей ее малоинтересными домами, широкая часть была оставлена открытой, т.к. зрительно ее замыкает стоящий через дорогу задний фасад Дворца правосудия, к счастью, закрытый рядом каштанов. Дома вокруг площади имеют общие черты: они повыше первых, старинных, т.к. имеют 4 – 5 этажей, не считая мансард, и снабжены французскими окнами и мансардными крышами. Чтобы не повторяться, сразу скажу: эти черты присущи ВСЕМ дома Парижа в тех районах, которые мы видели, хотя этажей может быть также 6 или 7. Так что неудивительно,

что многократно описанное в литературе жилье без удобств под крышей в мансардах было дешевым – оно имелось в КАЖДОМ доме. Сейчас, когда эти мансарды оборудованы как современные отдельные квартиры, цены на них взлетели до небес – мы видели каталог в витрине конторы по продаже недвижимости.

По периметру площади расположены ресторанчики, намеревающиеся открыться позже, и уже открытые кафе для завтраков, обязательно со столиками под тентом на улице:

Поскольку было ветрено и прохладно, мы решили расположиться внутри одного из них с видом на площадь:

Круассаны отличаются от итальянских корнетов отсутствием какой-либо сладкой начинки, а также воздушностью, так что проглатываются мгновенно. *А кофе... Ну, за кофе надо ехать в Неаполь...*

После завтрака побежали искать вход в Консьержери и Сен-Шапель, по дороге вспоминая полученные ранее сведения.

Генрих IV, разумеется, не мог полностью перестроить город, он только начал процесс. Довершил его о второй половине 19 в. барон Османн – после него Париж уже никто всерьез не трогал, если не считать «точечной» застройки. При нем градостроительная деятельность приобрела колоссальный размах – убогое ветхое жилье было снесено и заменено шикарными домами и дворцами, вместо сети узких средневековых улиц появились широкие прямые бульвары, скверы и площади. Снесено также большинство церквей, в частности, на о. Сите – все, кроме Нотр-Дам. Можно сколько угодно сожалеть об исчезновении средневекового Парижа и зданий, связанных с историческими фигурами, а также критиковать помпезный стиль новых построек, но следует помнить, что этот процесс был направлен на повышение комфорта жителей и отражал европейскую тенденцию; во всяком случае, одновременно с Парижем он протекал в Вене и даже в Москве.

Сразу за площадью Дофина располагался первый замок французских королей, построенный еще в VI в. королем франков Хлодвигом.

Справка. В эпоху Каролингов, переместивших столицу на восток, он был заброшен и возродился только в 10 в. при Капетингах. При сыне первого короля династии Гуго Капета Роберте II Благочестивом (972—1031) замок, в соответствии с правилами крепостной архитектуры, представлял собой здание с внутренним двором, окруженное со всех сторон квадратными башнями. Тогда же была возведена часовня Сен-Никола. Разумеется, королевская резиденция постоянно расширялась и перестраивалась, сначала в качестве военно-оборонительной крепости, особенно при Людовике VI Толстом и, главным образом, при и воинственном Филиппе-Августе II (конец 12 – начало 13 в.), новаторе в области военной архитектуры, окружившим к

тому же город стеной с башнями. Постепенно, однако, со снижением военных угроз, замок-крепость превращается в королевский дворец – расширяются и украшаются жилые покои и торжественные залы. На месте старой часовни Пьер из Монтрёйля всего за 6 лет (1243 – 1248 гг.) построил хранилище для привезенных Людовиком Святым из Константинополя в 1239 году реликвий - прекрасную часовню Сен-Шапель и многое другое. А при Филиппе Красивом (конец 13 – начало 14 в.), разгромившем орден Тамплиеров и казнившем на костре Жака де Моле, строятся великолепные залы, крепость значительно расширяется и превращается в «самый роскошный дворец в Европе» - вот куда пошли деньги ордена. Это великолепие, созданное таким подлым образом, продержалось недолго: в середине 14 в. после восстания под предводительством парижского прево Этьена Марсея король Карл V покидает его и превращает во дворец Правосудия, где располагались парламент, счетная палата и королевский совет. А где правосудие, там, естественно, и тюрьма. Тюремные камеры были в крепости и раньше, но теперь они занимают огромное крыло, обращенное к Сене. Управлять зданием и следить за порядком должен был консьерж, который имел многочисленные привилегии и обладал большой властью, при этом консьерж обязан был жить во дворце, который с этого момента и начали называть Консьержери.

В дальнейшем дворцу сильно не повезло: два грандиозных пожара в 17 и один – в 18 в., не считая более мелких, уничтожили практически все интерьеры, кроме Сен-Шапель, которую удалось спасти. В результате реконструкции, осуществленной в конце 18 в., была снесена большая часть древнего дворца и появился современный фасад Дворца правосудия, выполненный Жаком Дени Антуаном, одним из законодателей архитектурных вкусов эпохи классицизма. Он выходит на проложенный Османном Дворцовый бульвар, от которого его отделяет кованая решетка – одна из лучших, сделанных в то время.

Нравится? При Наполеоне дворец снова перестраивается архитектором Жиро. В книге «Прогулки по Парижу...» Борис Носик приписал это произведение Виолле-ле-Дюку, что оскорбительно для последнего. Виолле-

ле-Дюк, жизнь которого приходится на Османновское время, был архитектором, историком, реставратором и великолепным знатоком готики, которую буквально чувствовал так, как если бы жил в готическую эпоху. Ни по времени, ни по характеру он никак не мог создать то, что показано на снимке. Этот гениальный мастер восстановил и отреставрировал все готические здания, пострадавшие от бесчисленных перестроек и разрушений, в их числе – крепостной фасад Консьержери между сохранившимися древними башнями, выходящий на Сену:

Виолле-ле-Дюк открыл для нас то небольшое, что сохранилось во дворце от Средневековья: часовню Сен-Шапель и Зал ратников с прилегающими помещениями. Вот к ним-то мы и направились.

Из путеводителей я знала, что в Сен-Шапель выстраивается громадная очередь, а в Консьержери никакой очереди не бывает, но там можно купить музейную карту, которая покрывает расходы на посещение всех музеев Парижа и Версаля и, главное, дает право входа без очереди (*последнее оказалось дезинформацией – с картой охранники с удовольствием посылают вас... в конец хвоста*).

Танька, похоже, до конца еще не поверила, что, в конце концов, оказалась в Париже: ей все время казалось, что мы стоим не в правильной очереди, куда-нибудь не попадем и что-нибудь пропустим. Еле ее успокоили

в, действительно, длиннющей очереди, в которой мы были далеко не первыми. Вообще, давно я уже не видел такого количества хвостов, правда, не за гречкой или сахаром, а во всякие интересные места.

Очередь, однако, как только пришло время открытия, двинулась довольно быстро. Вообще все очереди в музеи Парижа связаны не с их пропускной способностью, а с режимом безопасности. Такого обыска, как в аэропортах, правда, не делают, но через рамку надо пройти и сумки открыть, что даже удобнее, чем раньше: не требуется обязательно сдавать их в камеру хранения со своей отдельной очередью.

После этого мы оказались во внутреннем дворе Дворца Правосудия перед часовней Сен-Шапель, и это было первым соприкосновением с готикой в Париже.

Справка. Готический стиль – это не только и не столько стиль, сколько иной конструктивный принцип, не связанный с античной или антично-византийской традицией, как связаны с ними романский стиль, Ренессанс, барокко и классицизм. Неудивительно поэтому, что, поскольку этот принцип лежал в стороне от «мейнстрима», в Италии, переполненной римскими образцами, он не прижился и никогда не был воплощен в логической полноте: в так называемых готических храмах использовались только его отдельные элементы, причем это касается даже Миланского собора, считающего себя самым крупным готическим храмом. Более того, Вазари в оскорбительных выражениях раскритиковал этот принцип, дав ему определение «готский», т.е. «дикий», «невежественный», «варварский». С этим можно согласиться – действительно, он возник в области Иль-де-Франс, а отдельные приемы появились в Нормандии – в местах, практически лишенных античных построек. Хорошо известно, однако, что иногда самые поразительные открытия делают люди, недостаточно образованные и не скованные поэтому стереотипами и авторитетами: они просто не знают, что такого не может быть. Именно это и произошло.

Новый принцип решил две задачи: он позволил перекрыть сводами огромное пространство и сделать его светлым. В предшествующих романских зданиях, своды которых опирались на полуциркульные арки, вся конструкция была основана на квадратном членении пространства: чем

больше диаметр, шире пролет и больше нагрузка сводов на стены, в крупных постройках поневоле имеющие огромную толщину и маленькие окна. Отсюда и обычная темнота. Изобретение стрельчатой арки позволило уйти от «квадратно-гнездового» принципа и возводить своды на любой высоте, перекрывая пространство любой ширины. При этом несущие арки опирались не на всю стену, а лишь на столбы. Стены можно было и не строить, и их заменили огромные окна, льющие море света. Правда, столбы, несущие огромную нагрузку сводов, пришлось дополнительно укреплять, подпирая снаружи далеко отстоящими от стен мощными колоннами-контрфорсами и идущими от них к верхним частям внутренних столбов дополнительными арками-аркбутанами. Так весь конструктивный скелет здания оказался снаружи. Таким образом, площадь, занимаемая готическим храмом, всегда значительно больше его внутреннего пространства, каким бы просторным оно ни было. Этот скелет был признан итальянскими просвещенными знатоками уродливым и не сообразующимся ни с какими канонами. Что мне лично не совсем понятно: в Средневековье и в Италии внешности храма довольно часто не придавалось никакого значения, во многих церквях отделялся лишь западный фасад, а многие оставались вообще «без фасада». Так что – кто бы говорил!

Что касается стиля, то готика выработала множество оригинальных декоративных элементов и приемов для достижения одной цели: подчеркнуть устремленность вверх, к небу и богу, что так хорошо выражено уже на конструктивном уровне самой стрельчатой аркой. Античное наследие - колонны с выраженным членением на базу, тело и капитель, заменили разделяющие нефы опорные столбы, окруженные пучками колонок, служащими опорами нервюр сводов. Это, правда, возникло еще в романском храме, но развитая готика убрала дань традиции – имитацию капителей, неоправданно прерывающую сплошную гибкую линию от пола до сводов, так что ничто не задерживает движения взгляда снизу вверх. Украшением церковей стала в основном скульптура – не только декоративная, но и

содержательная, имеющая смысловое и назидательное значение, ибо прекрасно вписывалась в интерьер, состоящий главным образом из столбов и арок. Зато мозаика и фресковая живопись практически исчезли, т.к. для них не было свободных глухих поверхностей. Вместо них необыкновенное развитие получила живопись на стекле заполняющих огромные окна витражей. *Это, как справедливо предположила моя жена, и стало причиной слабенького развития живописи во Франции – писали-то по большей части для церквей, а там у них места, в отличие от Италии, и не было. Потому до XIX в. тут никакого Леонардо не родилось.* (В XVI – XVII вв., однако, появилась и получило мощное развитие декоративная фресковая живопись, украшающая многочисленные дворцы и отели).

Вот что мы знали, когда увидели Сен-Шапель – дворцовую часовню, выполненную в 13 в. – в период наивысшего расцвета готики. В литературе ее интерьер описан в самых восторженных выражениях, но и снаружи она производит на неопита сильное впечатление, тем более, что знакомит почти со всеми готическими приемами:

Маленькие размеры позволили обойтись без контрфорсов и аркбутанов, но снаружи видна толщина ребер, на которые опираются своды – в романском храме такую же толщину имела бы сплошная стена. Здесь же вместо стен – огромные окна, верхняя часть которых заполнена ажурной резьбой (masswerk):

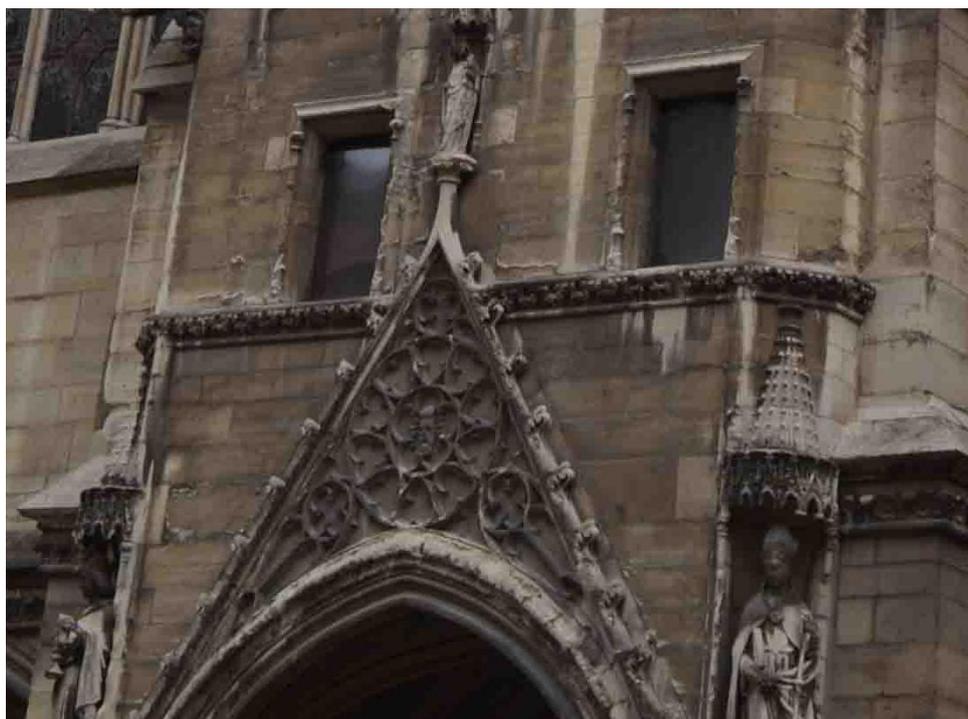

На углы опор выходят водостоки, оканчивающиеся гаргульями – изображениями иногда людей или животных, но чаще химер или прочей нечисти, как бы выведенных из храма:

Между гаргульями видна фиала –

остроконечная глухая башенка с фальшивыми горбылями, завершающая и

устремляющая в небо каждое ребро здания. А так выглядит вымперг - высокий крутой фронтон над порталом:

Крутой треугольный фронтон западного фасада, соответствующий единственному нефу верхней часовни, покрыт характерными декоративными фигурными крючками – краббами, или кроссами:

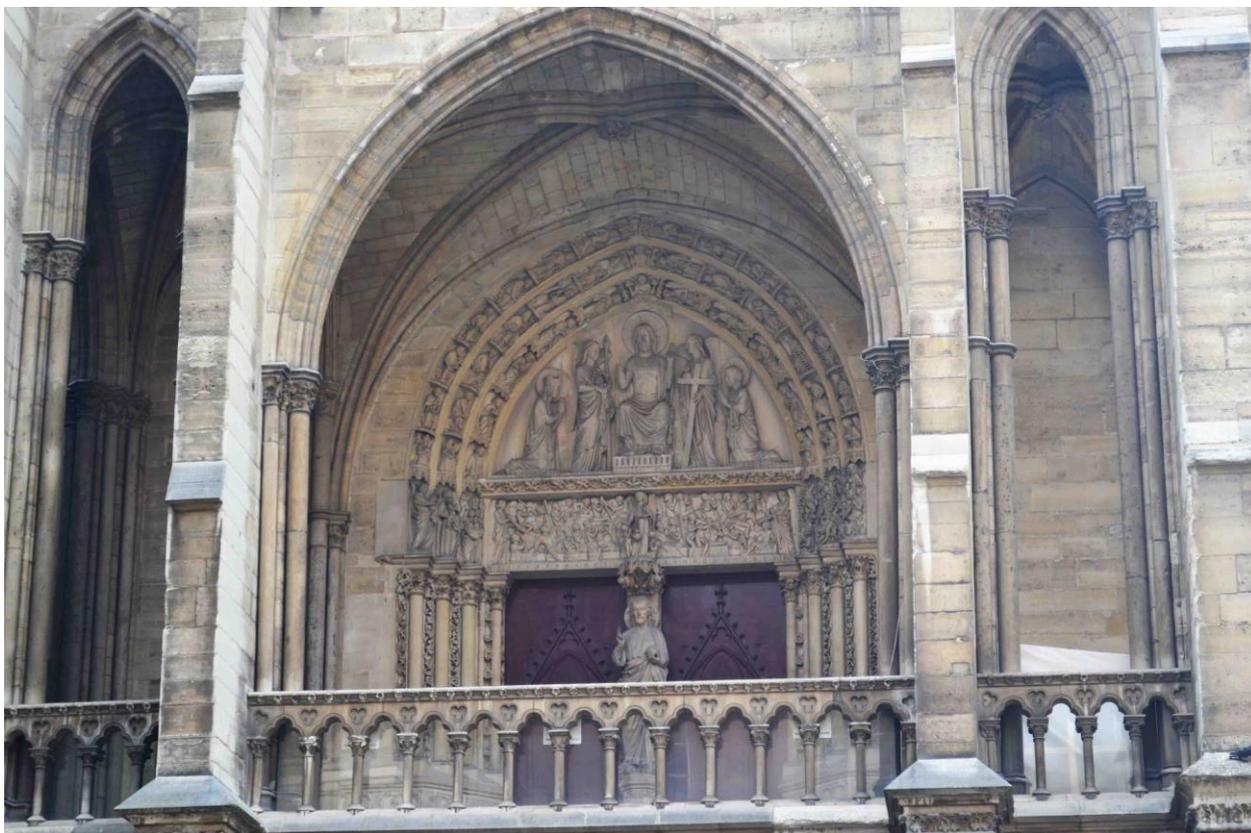
Забавно, что все эти и многие другие элементы готического убранства мы впервые увидели на кровле Собора св. Марка в Венеции – романско-византийской постройки, не имеющей к готике никакого отношения.

Западный фасад выглядит очень элегантно. Большую его часть над двухэтажной лоджией-папертью занимает роза – круглое резное окно.

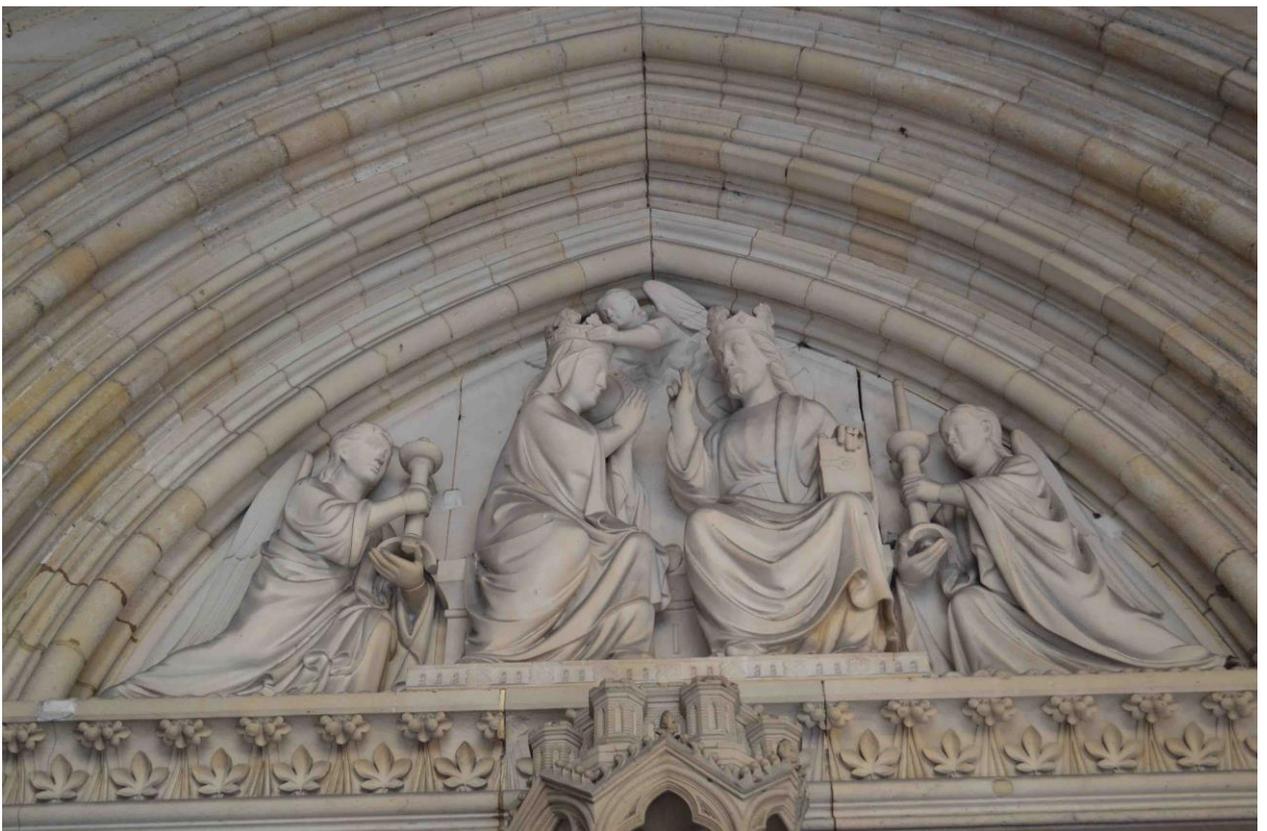
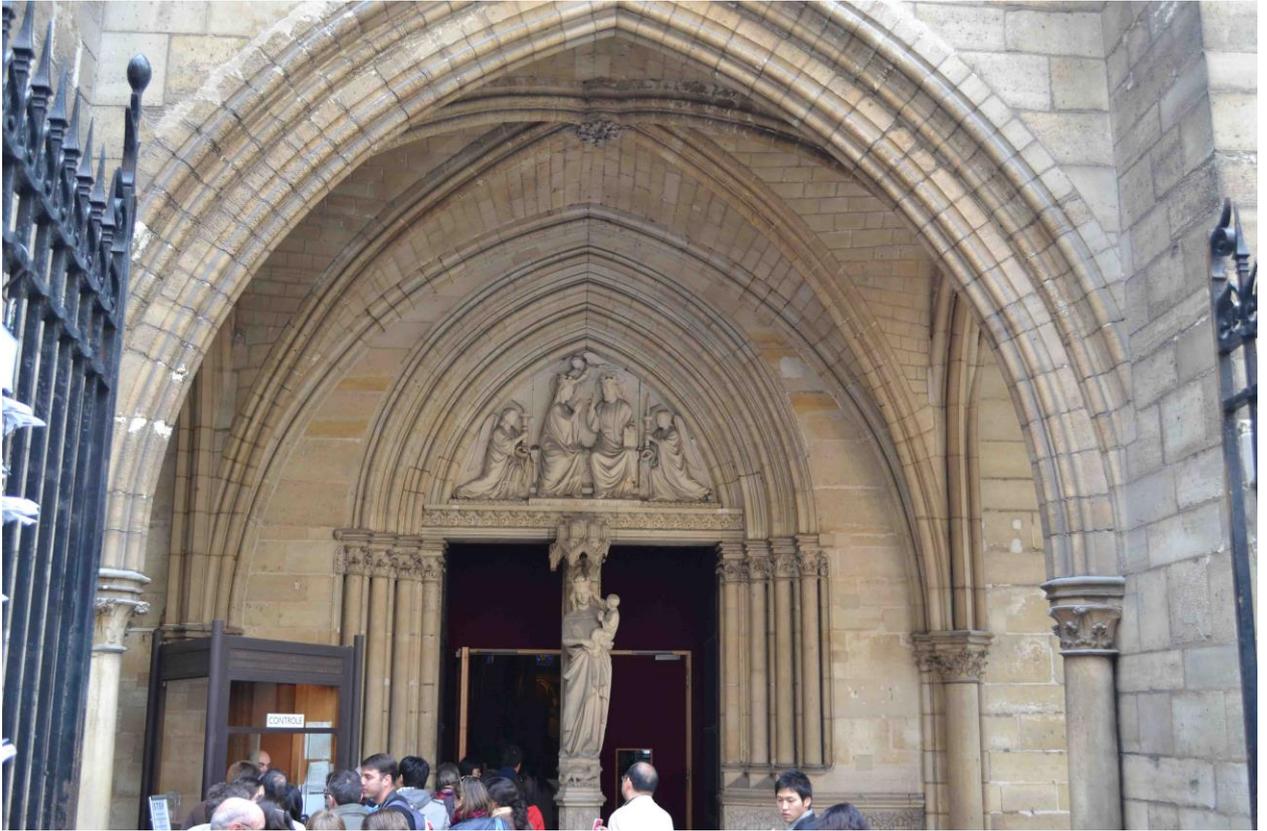

Подобные окна встречались и в романских церквях, но гораздо более скромные. Интересно, что в отличие от боковых окон, резной орнамент розы имеет форму с плавно вытянутыми углами, напоминающую пламя свечи – отсюда название «пламенеющая готика», которое относится к наивысшей точке расцвета стиля.

Двухэтажная паперть – не случайна: по традиции дворцовые часовни составлялись из двух – нижней – для дворцовой челяди и придворных – и верхней – для монарха и его семьи (собор св. Франциска в Ассизи тоже имеет двухъярусную структуру, по одной из версий, оттого, что образцом для него послужила Сен-Шапель). Каждая часовня имеет свой портал:

Барельефы верхнего портала более примитивны, судя по позам изображенных фигур, а в нижнем – настолько совершенны, что их легко можно спутать с произведениями эпохи Ренессанса:

В 13 в. во Франции скульптура, в отличие от живописи, далеко ушла от примитивных романских форм, виденных нами в Италии, и по мастерству передачи естественных фигур и движений вплотную приблизилась к эпохе

Возрождения – не даром К. Верман считает, что между готической и ренессансной пластикой нет пропасти. Фигура Богоматери между дверями (скульптура между дверями главного портала – обязательная принадлежность готического храма) – также прекрасна и естественна, но уже имеет характерный «готический изгиб», который образуется искривлением корпуса в одну сторону и также распределением массы при обтесывании куска камня.

Еще более отчетливо этот изгиб виден в фигуре на боковом фасаде:

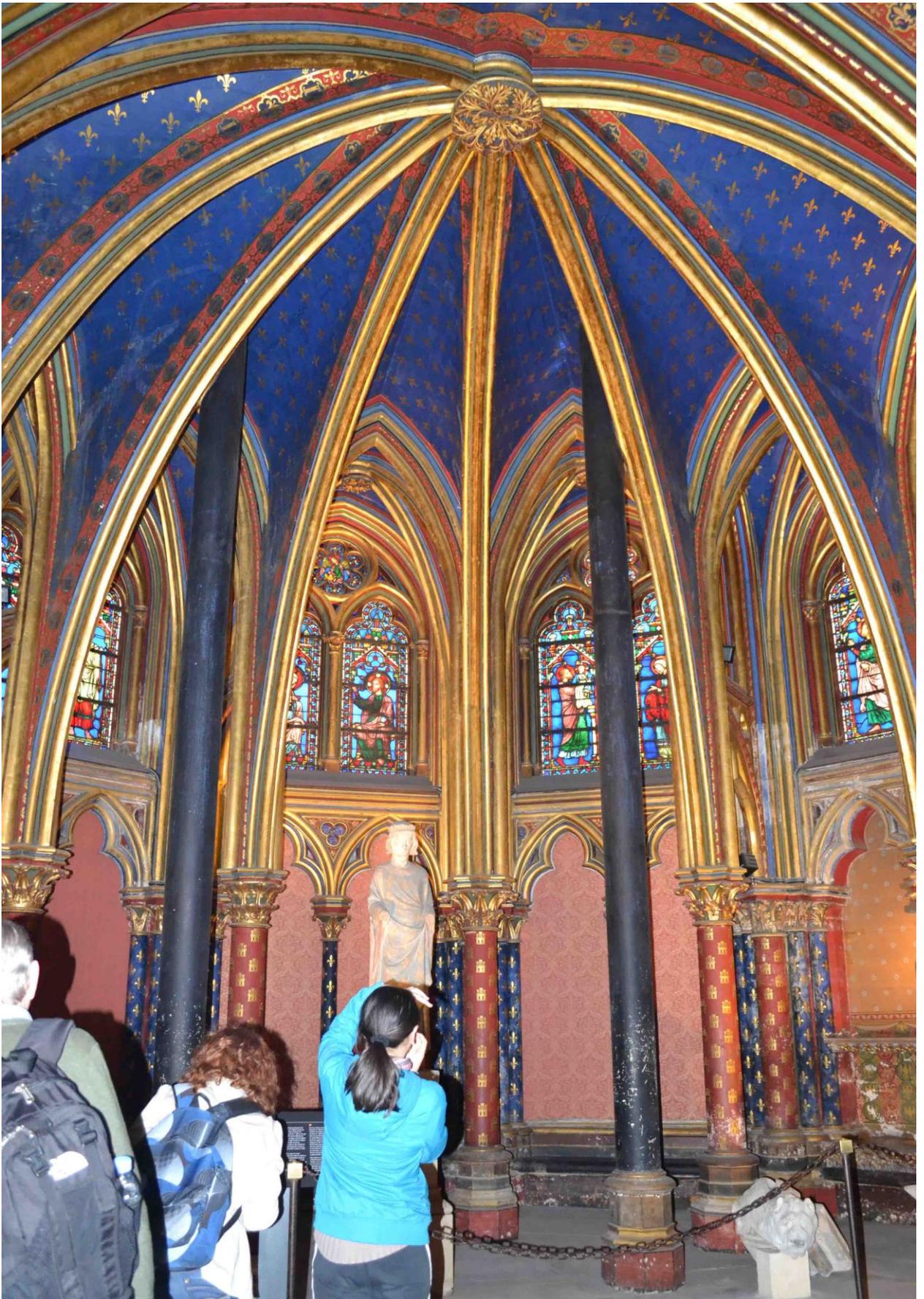
По мнению К. Вермана, эта манерность впоследствии оказалась роковой для готического искусства.

Вот теперь, проанализировав элементы, можно перейти и к синтетическому впечатлению, которое они производят. С моей точки зрения, во-первых, это красиво. Во-вторых, ... и последних – очень красиво и естественно красиво, без китча и излишеств.

В кассе музея, без всякой очереди купили музейную карту и вошли.

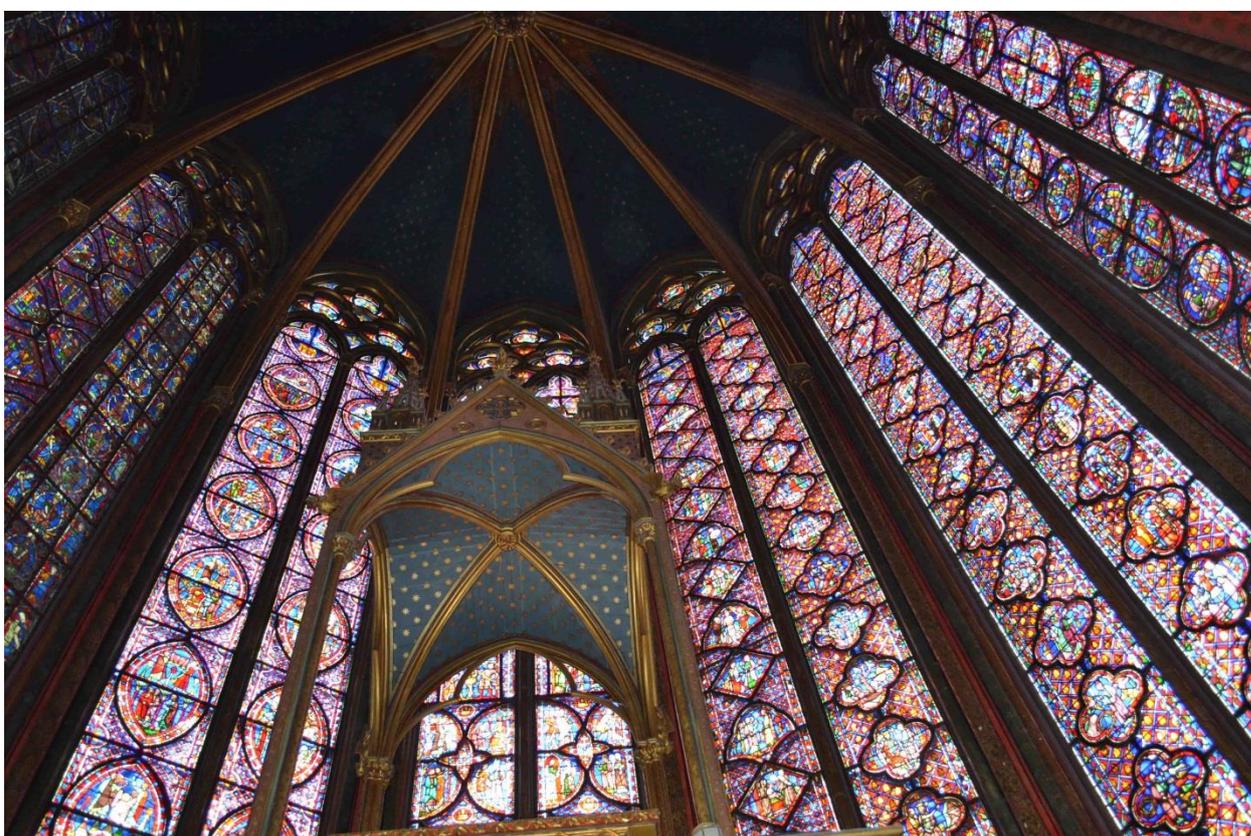
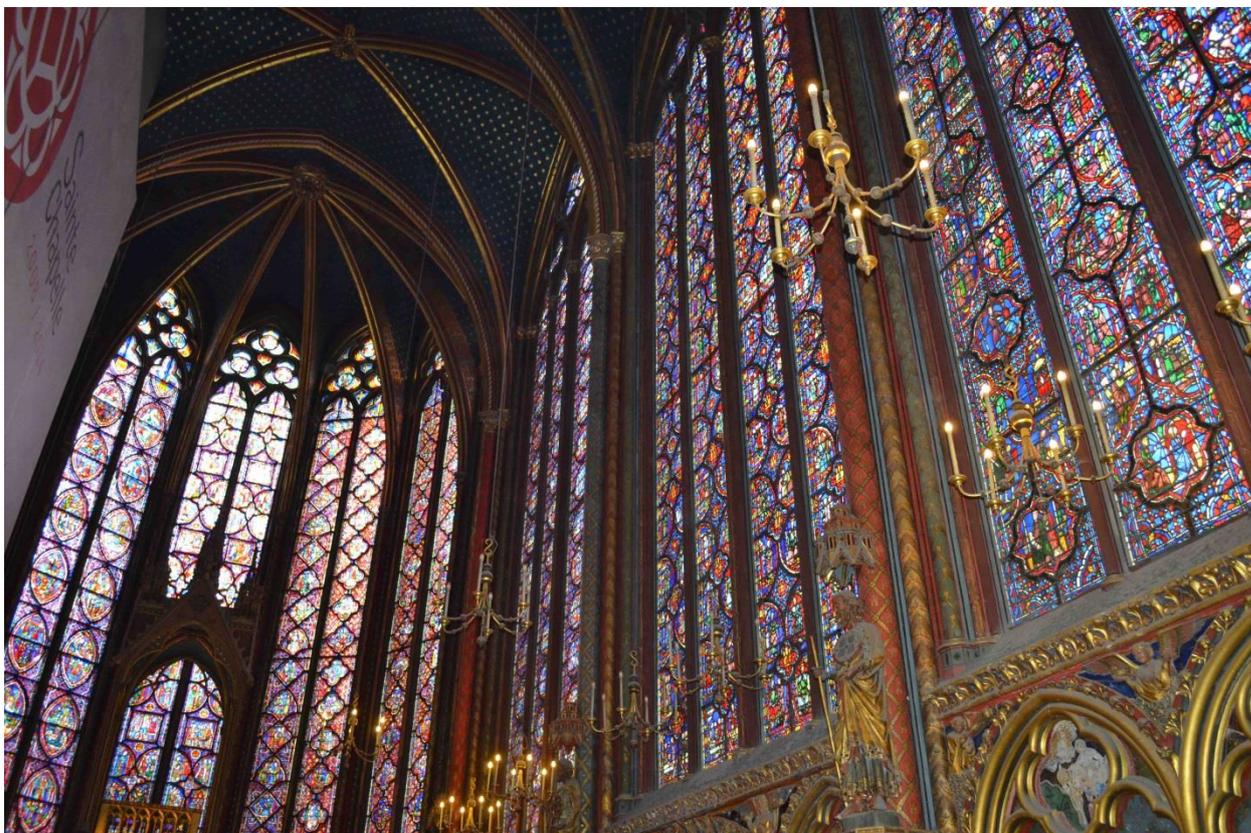
Нижняя трехнефная часовня с крестовыми сводами и небольшими окнами скорее напоминает романскую крипту, только уж очень ярко и пестро раскрашена, что, на наш общий взгляд, неожиданно отдает дурным вкусом:

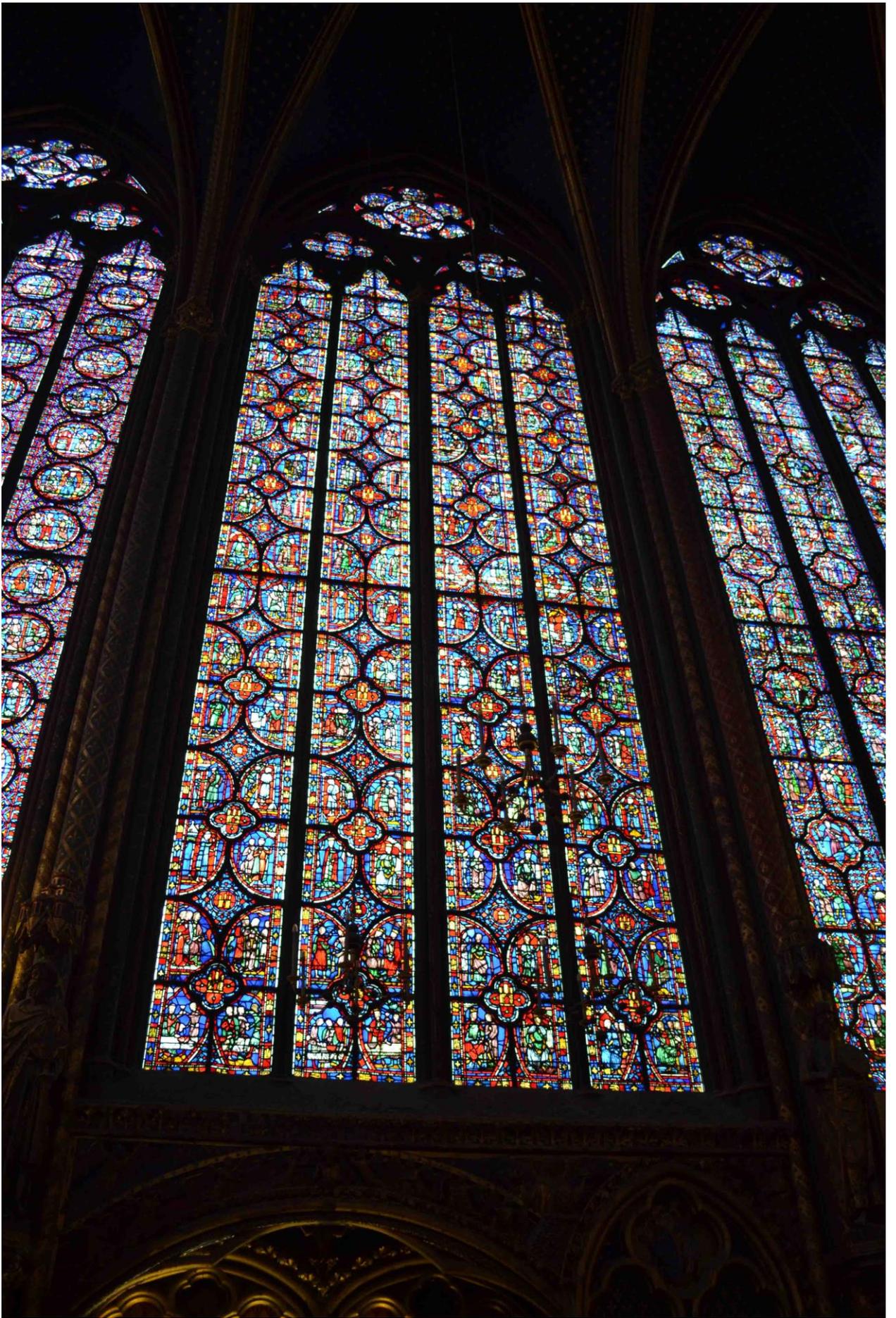

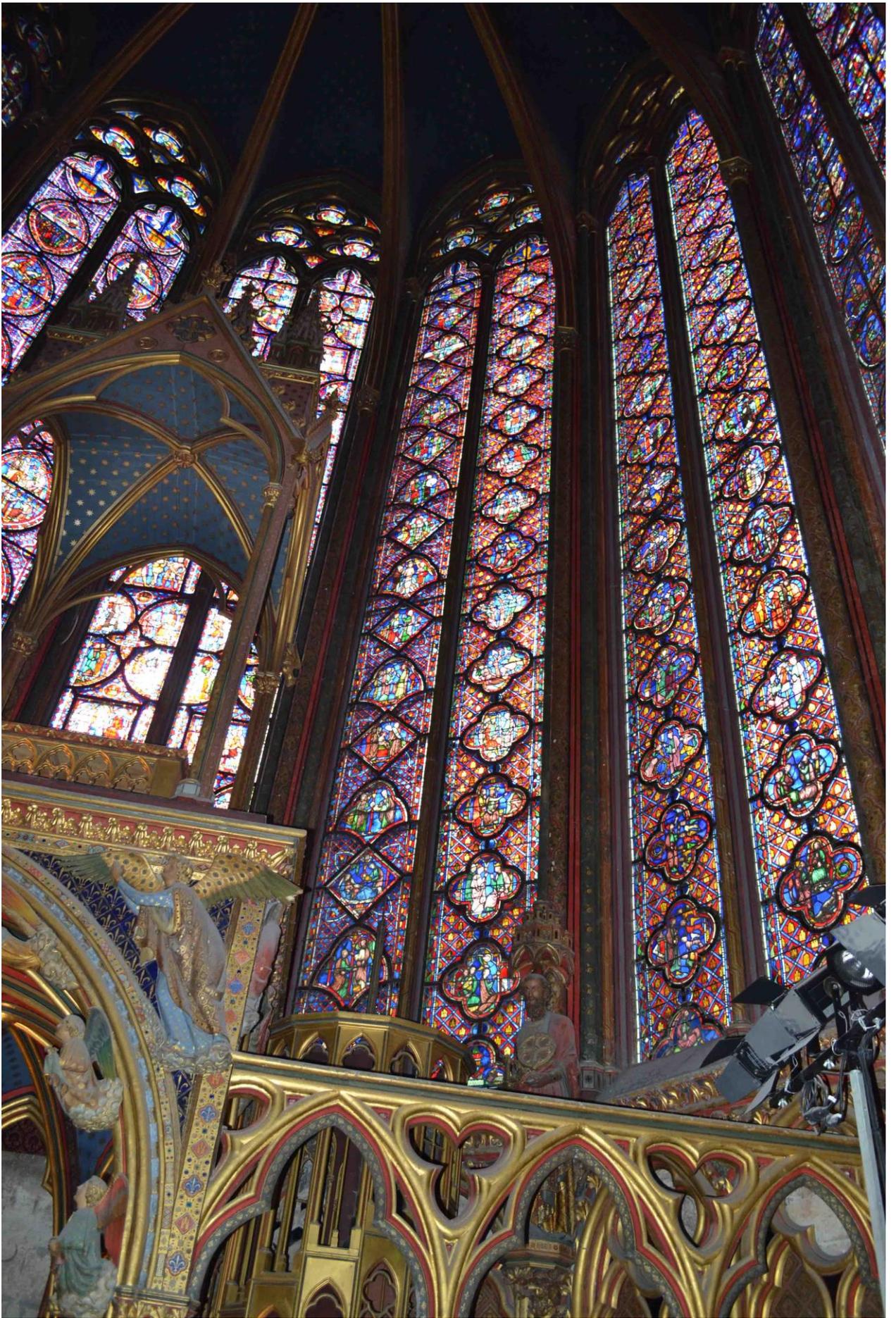

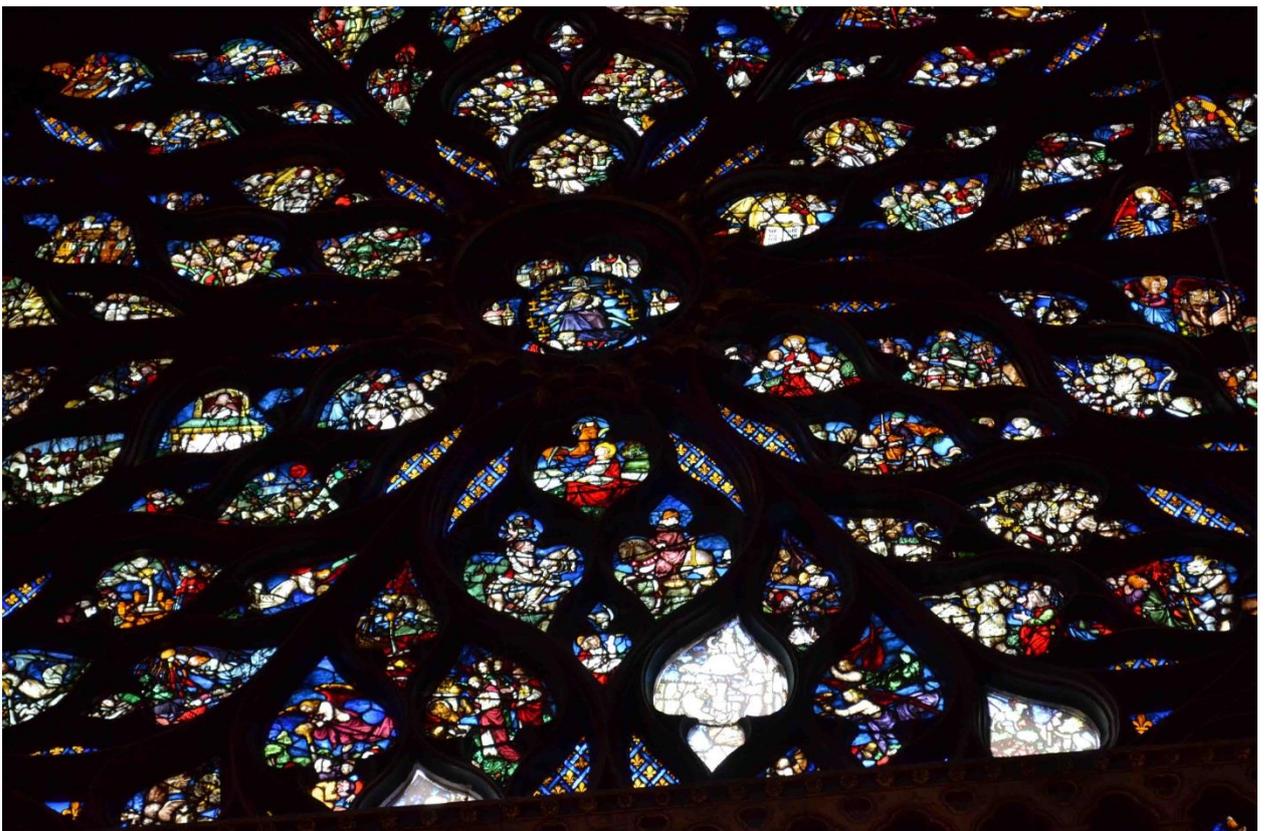
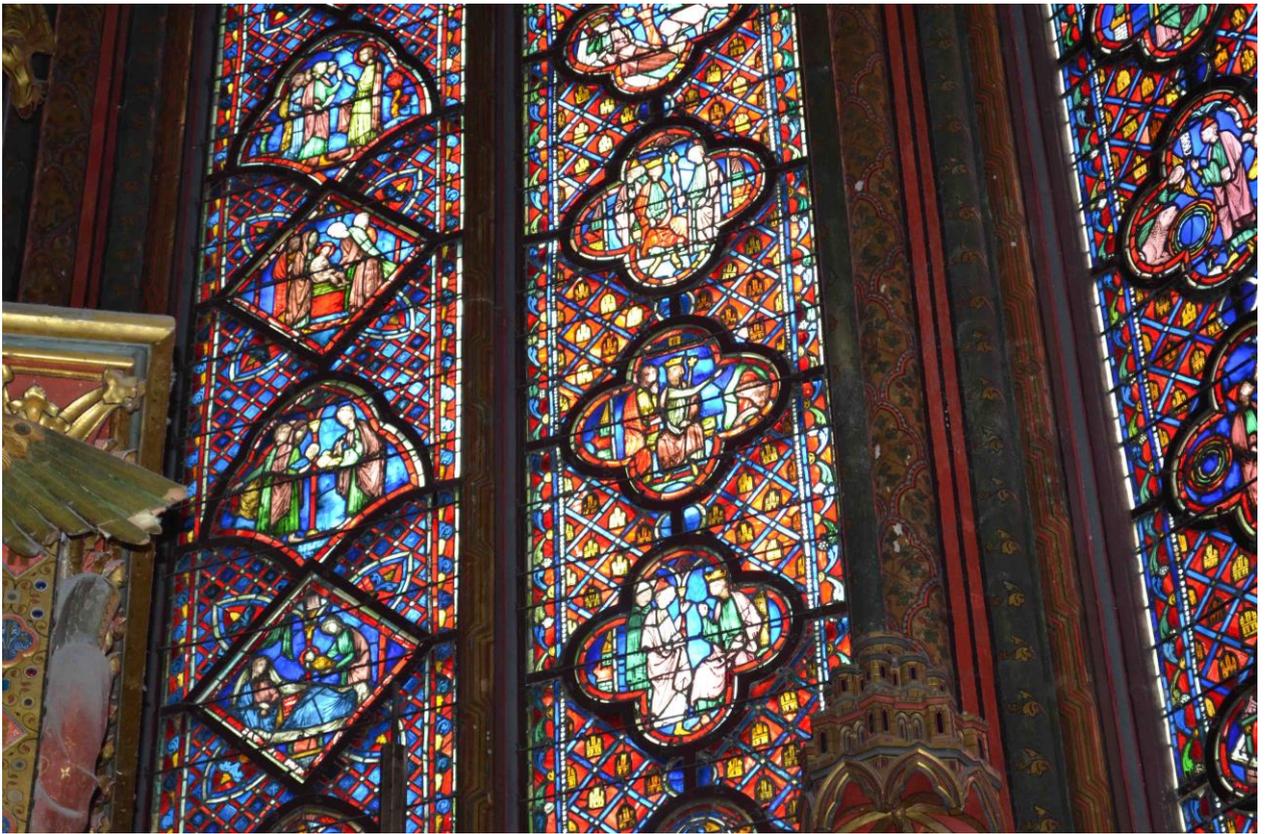
И кто догадался разместить там прилавки с сувенирами?

Зато верхняя капелла оправдала все ожидания! Она действительно наполнена волшебным светом и кажется нереальным райским местом обитания.

К. Верман: «Однонефная верхняя капелла с большими, во всю стену, витражами кажется сооружением из рубинов и сапфиров, вставленных в изящную каменную оправу. Удивительно деликатно исполнены все детали, в

том числе и скульптурные, и все убранство капеллы приведено в полную гармонию с благородством архитектурных форм. ... возникшие в середине XIII столетия большие фигуры апостолов на внутренних столбах Сент-Шапель... принадлежат к числу самых чистых и прекрасных созданий средневекового искусства; но некоторые из них — быть может, в первый раз изо всех мужских статуй — имеют тот самый готический изгиб».

С этим можно было бы согласиться, только лично мне мешала цветная раскраска статуй, делающая их как бы слегка игрушечными. Здесь же, на западной стене под розой, нашлось место и для живописи, выполненной в том же 13 в., но сверкающей свежими красками:

Вышли мы оттуда слегка обалдевшие и пошли искать вход в Консьержери. Я забыл, что для этого надо выйти на улицу, но нас на путь истинный наставил полицейский. Пока туда шли, лишний раз убедились, что

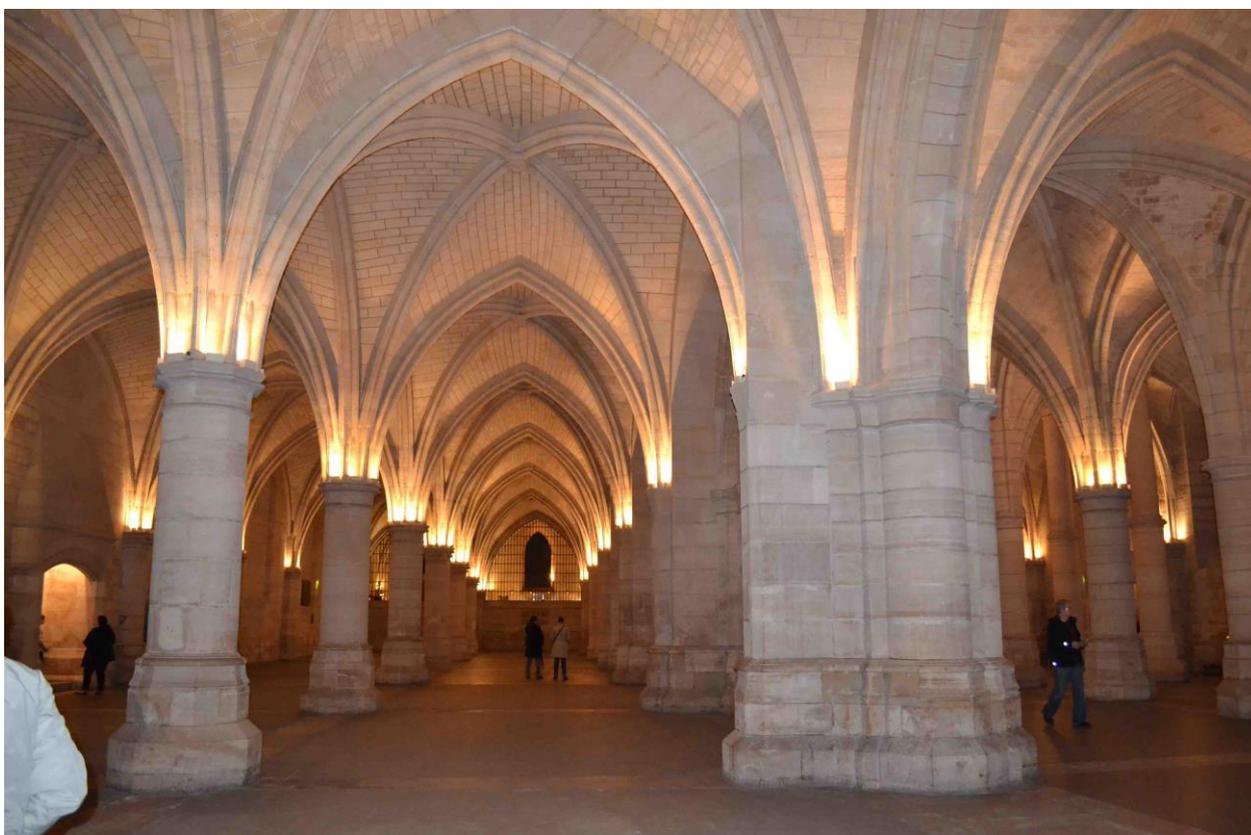
«кто рано встает, тому бог подает» - хвост в Сен-Шапель заполняет весь тротуар до угла и, сделав множество петель, выплескивается на проезжую часть бульвара. Тут-то я и похвалила себя за предусмотрительность (от моих спутников – фиг дождешься)....

Сама тюрьма сейчас совсем не страшная, в ней и по соседству нынче апелляционный суд, куда по своим делам тянутся тяжущиеся и юристы, а с набережной Сены это страшное узилище сейчас выглядит просто как сказочный замок (см. выше).

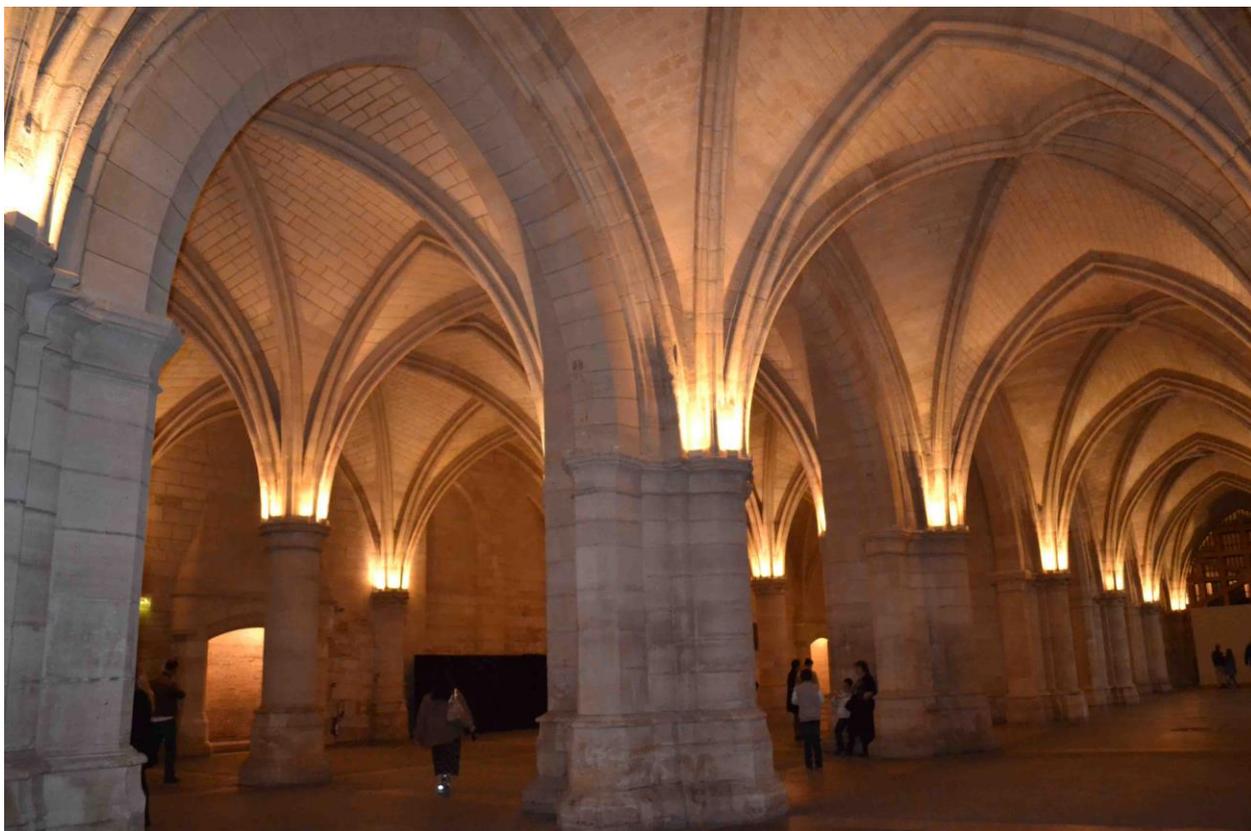
Через неприметную дверь, в которую никто не ломился, вошли в Консьержери и сразу оказались в огромном Зале ратников.

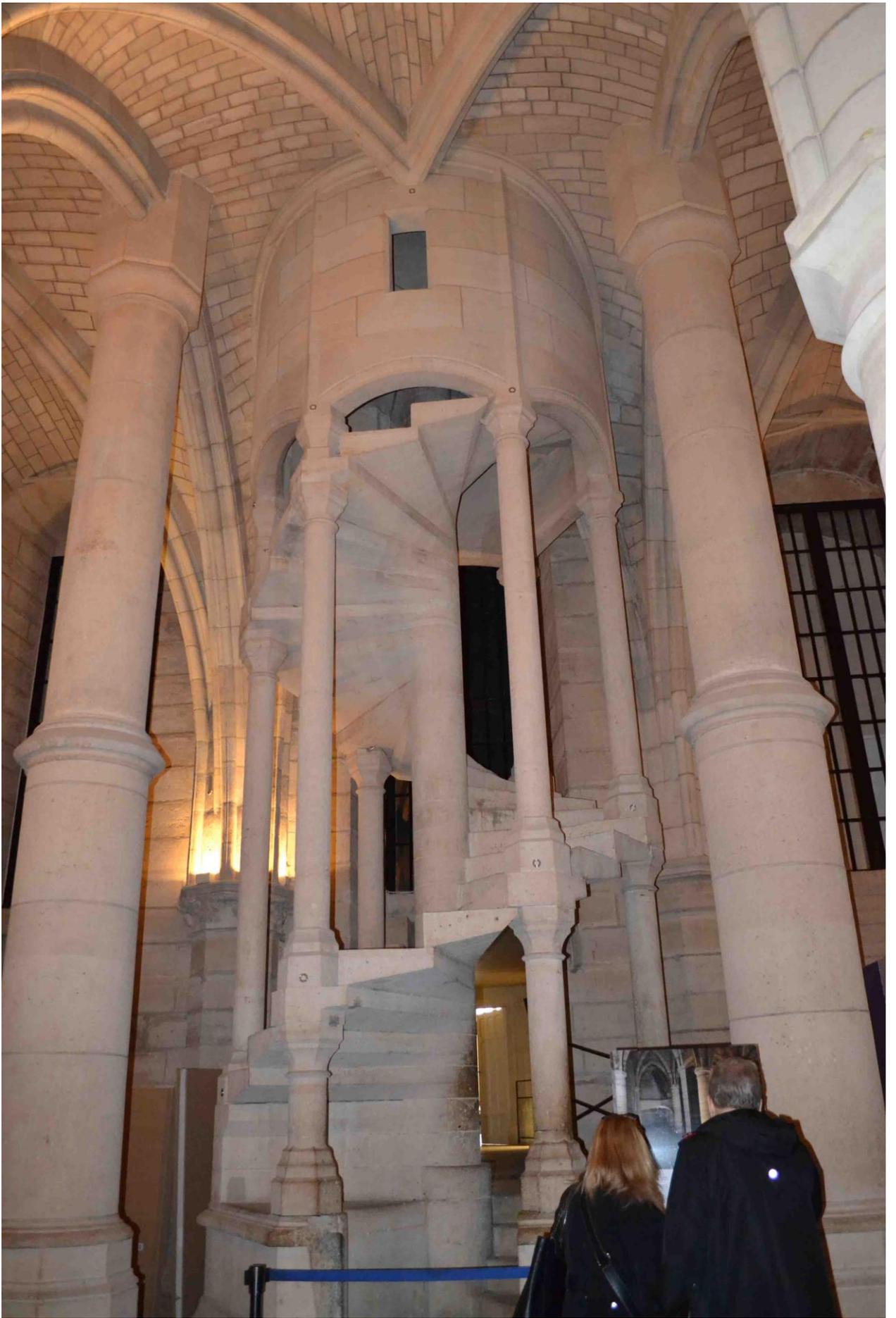
Справка. Его строительство началось в 1302 году при Филиппе IV Красивом. Он является единственным в Европе образцом гражданской готической архитектуры.

Зал огромен и прекрасен. Он состоит из четырех «нефов» со стрельчатыми сводами, с мощными опорными столбами посередине и более стройными колоннами, разделяющими боковые нефы.

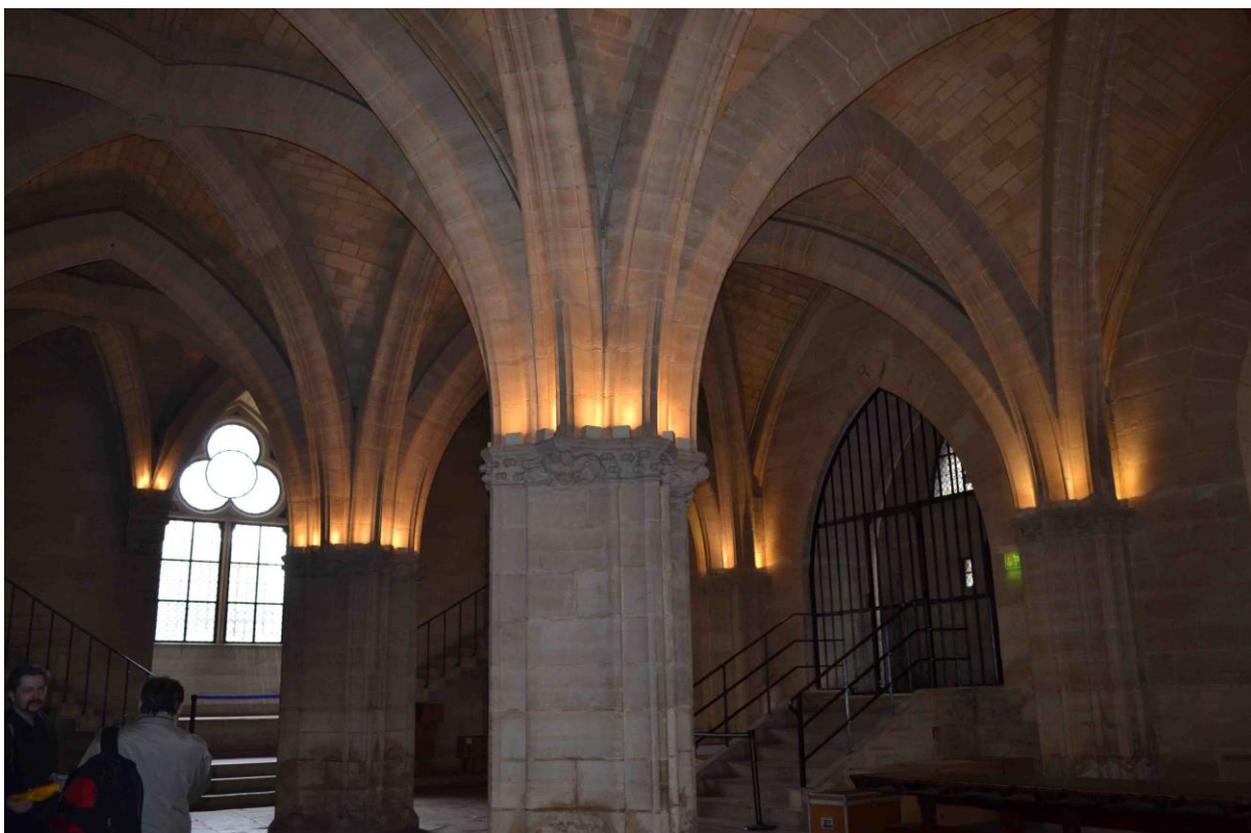

Справа видны камин, отоплявшие зал, и одна из винтовых лестниц, ведущих в Большой парадный зал приемов королей династии Капетингов, располагавшийся над этим, служившим в качестве обеденного для дворцовой стражи:

Противоположная от входа часть зала была в XV веке отгорожена и надстроена, а впоследствии получила название Парижская улица, от имени господина де Пари, который в революционную эпоху был палачом, и была предназначена для заточения самых бедных преступников, которые были вынуждены спать на соломе. Справа от нее находится Караульный зал, построенный одновременно с Залом ратников – прихожая несохранившихся королевских покоев, в которых король собирал парламент и в 1793 г. заседал революционный трибунал:

Кухонный флигель, построенный во время правления Жана Доброго (1350—1364), мы как-то случайно проскочили и пошли осматривать тюремные камеры, служебные помещения, Женский дворик и часовню, созданную Людовиком XVI на месте камеры Марии Ануанетты. Все это весьма интересно, но у нас, видевших казематы Петропавловской крепости, дух не захватило. А из дворика видна башенка над угловой единственной квадратной башей – той, что несет часы, установленные в 1370 году и работающие до сих пор, в окружении нежной майской зелени:

Отсюда мимо грандиозных османновских зданий мы пошли на главное свидание – с собором Нотр-Дам.

Итак, первое запоминающееся событие в знакомстве с Парижем у моих неофитов случилось, а я как старый парижанин на это смотрел снисходительно и с удовольствием – не будут потом говорить, что я зря их вытащил из берлоги и затащил в такую глушь – аж за три тыщи верст от дома.